

М. В. Акимова

(Россия, Москва)

Институт мировой культуры МГУ им. М. В. Ломоносова
aquimova@mail.ru

ТРАДИЦИИ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО СТИХОТВОРНОГО СИНТАКСИСА: Б. И. ЯРХО И М. Л. ГАСПАРОВ*

В работе прослеживается преемственность идей между Б. И. Ярхо и М. Л. Гаспаровым в перспективном направлении изучения стихотворного синтаксиса. Прежде всего, рассматриваются различные способы классификации синтаксических связей применительно к изучению стиха. В статье собраны практически все виды гаспаровских классификаций такого рода. Это позволяет проследить эволюцию различения типов тесных и слабых связей в стихе, а также выяснить, что набор этих типов определялся каждый раз исходя из задач конкретного исследования. Кроме того, в статье показано, что анализ синтаксиса стиха Маяковского у Гаспарова непосредственно опирается на методику, предложенную Ярхо в его неопубликованной диссертации о рифмованной прозе Хротсвиты. К этой же монографии восходит и способ описания внутристроочных связей в статье Гаспарова о синтаксисе 6-стопного ямба Пушкина. Таким образом, в статье продемонстрированы некоторые общие для двух ученых принципы формального анализа, что, во-первых, является одним из доказательств «ученичества» Гаспарова у Ярхо, а во-вторых, показывает методику дальнейших исследований в данной области.

Ключевые слова: поэтический язык, синтаксис и семантика стиха, Б. И. Ярхо, М. Л. Гаспаров, методика формального анализа синтаксиса.

В последнее время сложилось целое направление в изучении русского стихотворного синтаксиса, истоки которого восходят к открытиям 1920-х годов [см.: Vickers 1968; Дозорец 1972: 8–13; 1978; 1987; 1993; Гаспаров 1981; 1984; 1986; 1996; 2001; 2004; Гаспаров, Скулачева 1993; 2004; Tarlinskaja 1984; Тарлинская 2001; Скулачева 1989; 1990; 1996; 2001; Ляпин 1997; 2001; Шапир 1998: 53–60; 1999; 2003; Акимова 2001/2002: 217–218, 222 примеч. 59; Матяш 1984; 2011: 93–110 и др. работы; Тверьянович 2008: 110–152, с обзором литературы; 2012;

---

* Статья подготовлена при поддержке грантов РГНФ № 14-04-00160 и 13-04-12029.

Головастикова 2010; 2011; Белоусова 2011, 2013: 5, 13, 21–24; Pil'ščíkov 2011; Пильщиков 2013]. Взаимодействие синтаксической структуры строки и ритма стиха в это время получает систематическое наблюдение и статистическое описание. Б. И. Ярхо был едва ли не первым, кто решил подвергнуть математической проверке ощущение того, что синтаксис учитывается при построении стиха, что он оказывает влияние на ритм.

В неопубликованной диссертации «Рифмованная проза драм Хротсвиты»² Ярхо понадобилось исследовать синтаксические условия выделения рифмованных колонов. Эти латинские пьесы принято считать прозой; их текст делится на рифмованные отрезки разной длины. Современники и предшественники Ярхо видели в драмах Хротсвиты большую ритмическую организованность по сравнению с другими рифмованными прозаическими произведениями той же эпохи [см.: РГАЛИ, ф. 2186, оп. 1, ед. хр. 26, л. 3] и пытались найти дополнительные, помимо рифмы, структурные закономерности ритма. В прозаическом тексте подобные закономерности логично было искать в области синтаксиса, и такую попытку предпринял К. Полхайм в монографии о латинской рифмованной прозе, вышедшей в свет как раз в то время, когда Ярхо работал над собственным исследованием [см.: Polheim 1925: X—XII; 4; 22–25; 28–40]; однако выводы К. Полхайма относительно синтаксиса драм не удовлетворили Ярхо [см.: РГАЛИ, ф. 2186, оп. 1, ед. хр. 26, л. 5–7а]. Если на первый взгляд «многообразие синтаксической структуры клаузуль» «создает впечатление полной безсистемности», то подсчет типов синтагм, отделяемых рифмой, все-таки способен прояснить основные принципы возникновения внутренних ритмических границ текста [Там же, л. 9]. Ярхо обнаружил, что большинство рифм оказывается на (1) «конец<ах> периодовъ и самост<оятельных> предложений» (ок. 1350); почти в два раза меньше — на (2) «раздѣл<ах> между предложениями внутри периода» (ок. 750); еще меньше — (3а) «между удаленными другъ отъ друга сочиненными частями предложения» (ок. 500); еще меньше (3б) «<между> разлученными частями предл<оженія>, изъ коихъ одно подчинено другому» (ок. 400); остальные рифмы (140–150) отграничивают еще «приблиз<ительно> 14» синтаксических «категорій» (Там же, л. 9). Под эти категории подпадают «второстепенные» паузы (Там же, л. 38) при: (4) восклицаниях; (5) на разрыве синтагмы, обусловленном а) стилистической фигурацией,

² Диссертация существует в двух редакциях: первой, русской (1920–1926; РГАЛИ, ф. 2186, оп. 1, ед. хр. 26) и окончательной, немецкой (1930; Там же, ед. хр. 28), к которой впоследствии были составлены развернутые «Тезисы» (1935; Там же, ед. хр. 25). Подробный и комментированный пересказ исследования выполнил М. Л. Гаспаров (см.: 2003, а также 1985). Ярхо неоднократно приводит отдельные положения и выводы этой монографии в «Методологии точного литературоведения» (эти места и примечания к ним можно отыскать по «Указателю экземплификационного материала» к «Методологии», на имя 'Хротсвита Гандерсхеймская', а также по Указателю имен ко всему изданию, см.: Ярхо 2006, 400, 925). Хротсвита (ок. 935 — ок. 1002) — канонесса Гандерсгеймского монастыря (ныне в Нижней Саксонии, в Германии), первая в истории европейской средневековой литературы женщина-драматург и первая женщина-поэтесса в Германии; автор латиноязычных поэм, стихотворных хроник и драм, которые она сочиняла в 950–970-х годах.

б) специальными (содержательными) причинами; (6) — при восклицательных обращениях; (7) — перед обращениями и приложениями; (8) — после обращений и приложений. Кроме того, Ярхо рассмотрел, какие члены предложения отделяются паузами 5-го вида: а) подлежащее и сказуемое; б) прямое дополнение и сказуемое; в) косвенное дополнение и сказуемое; г) адвербиал и сказуемое; д) определение и определяемое; е) *genitivus attributivus* и определяемое [Там же, л. 29]. Паузу Ярхо понимал акустически, как реальную «приостановку рѣчи» [РГАЛИ, ф. 2186, оп. 1, ед. хр. 26, л. 7], и полагал, что у Хротсвиты пауза всегда сопутствует рифме и даже предопределяет ее [ср.: Polheim 1925: IX, XIII, 3–4, 21–22].

Этот подсчет позволил Ярхо точнее сформулировать характерные черты ритмики хротсвитианской прозы: они определяются признаками (1–3), то есть рифма обычно подчеркивает основные синтаксические границы: между периодами, предложениями, частями сложного предложения. Не случайно дистантно расположенные члены предложения, связанные сочинительной связью, чаще разделяются рифмой, чем такие же члены предложения, связанные подчинительной связью, а прочие связи внутри простого предложения и словосочетания настолько редко оказываются по разные стороны границы рифмованных отрезков, что Ярхо объявляет их несущественными для ритмической структуры.

Затем Ярхо делает следующий шаг: он находит зависимость между рифмой и «силой паузы», которая у него совпадает с означенными выше синтаксическими категориями. Он работает только с первыми тремя, «главными» паузами. Паузы на конце предложений (тип 1 и 2) он называет синтаксическими, а внутри предложения (тип 3) — интонационными. Он предполагает, что синтаксические паузы сильнее интонационных, которые без рифмы вообще не были бы слышны. Кроме того, в драме на силу паузы влияет реплика. Ярхо допускает, что конец реплики всегда естественно сопровождается более сильной паузой. У Хротсвиты конец реплики в подавляющем большинстве случаев совпадает с концом «строфы», то есть группы (обычно это двучлен) отрезков на одну рифму. Выяснив, что Хротсвита предпочитает такие «замкнутые строфы» [РГАЛИ, ф. 2186, оп. 1, ед. хр. 26, л. 11], Ярхо классифицирует паузы далее, выделяя в каждом типе финальные (завершающие «строфу» и поэтому более сильные) и медиальные (находящиеся внутри «строфы» и поэтому более слабые) паузы. Подсчет количества всех этих видов пауз показал способность того или иного вида «замыкать строфу». Оказалось, что «эта способность въ наибольшей степени присуща наиболѣ сильнымъ паузамъ (1а). Затѣмъ слѣдуютъ другія логическія паузы (1б, 2). Съ другой стороны, логическія паузы, особенно сильнѣйшія, рѣже попадаютъ въ серединѣ строфы» [РГАЛИ, ф. 2186, оп. 1, ед. хр. 26, л. 13]. Иными словами, среди синтаксических пауз больше финальных, среди интонационных — больше медиальных. «Можно заключить, — рассуждает Ярхо, — что в этих драмах <sic!> способность замыкать строфу прямо коррелятивна силѣ паузы, т<о> е<сть> интонаціонныя паузы значительно слабѣ самыхъ слабыхъ логическихъ» [синтаксических; Там же]. В выводах этой части исследования Ярхо еще раз разделяет паузы по «интенсивности», опираясь на статистику: к сильным паузам (и соответственно к самым слабым

синтаксическим связям) он относит те, большинство коих являются финальными (тип 1), к средним паузам (и средним по силе связям) — те, среди которых 30–40% финальных (тип 2 и 6); к слабым паузам (и сильным связям) — те, среди которых менее 10% финальных [типы 3, 4, 5, 7, 8; см.: РГАЛИ, ф. 2186, оп. 1, ед. хр. 26, л. 39]. Цифры показывают, что «Хротсвита согласует созвучия с естественным ходом рѣчи <sic!>» [Там же].

Обнаружение прямой зависимости между теснотой синтаксической связи и частотой ее появления на границе рифмованных колонов — одно из важнейших открытий Ярхо в области поэтического синтаксиса, проливающее свет на механизм взаимодействия стиха и языка. Во второй половине 1920-х годов эта закономерность была проверена и подтверждена на материале русского народного и классического стиха. Для этой работы Ярхо ввел похожую на ту, что использовал в «Хротсвите», рубрикации межстрочных связей в стихе, насчитывавшую 13 видов клаузул и предназначенную для сравнения русского стихотворного синтаксиса с прозаическим. Эта работа осталась в рукописи; ее результаты частично были опубликованы М. Л. Гаспаровым [см.: Гаспаров 1969: 506–507; 1981: 150–151], а также в комментариях к изданию трудов Ярхо [см.: Ярхо 2006: 624 примеч. 58, 61]. Ярхо подсчитывал, как часто граница строк проходит: (1) между отдельными предложениями, (2) между частями сложносочиненного или сложноподчиненного предложения, (3) между однородными подлежащими или сказуемыми, (4) между группой подлежащего и группой сказуемого, (5) между глаголом и адverbиалом либо косвенным дополнением, (6) между глаголом и прямым дополнением, (7) между существительным и приложением, (8) между существительным и согласованным либо генитивным определением, — а также проверял, отделяет ли строкораздел (9) обращения и (10) вспомогательные частицы [см.: РГАЛИ, ф. 2186, оп. 1, ед. хр. 83, л. 3–3 об.; ср.: Там же, ф. 941, оп. 6, ед. хр. 64, л. 24 об.].

В «Методологии точного литературоведения» Ярхо сам пересказал суть и результаты этого исследования, сведя многочисленные категории «пауз» к пяти видам:

«1. Концы предложений<.>

2. Равные части слитных предложений [* Т. е. из двух подлежащих при одном сказуемом (или наоборот) одно оказывается в первом стихе, другое во втором]<.>

3а. Подлежащее и сказуемое (со своими семьями)<.>

3б. Сказуемое и члены его семьи (дополнения и адverbиалы)<.>

3в. Определение и определяемое» [Ярхо 2006: 34].

Вывод, сделанный в «Методологии» самим Ярхо: «частота паузы пропорциональна силе» [Ярхо 2006: 35], — подтверждается позднейшими исследованиями, и тем самым может приобрести статус стиховедческой универсалии [см.: Ярхо 2006: 33–35, 624–625 примеч. 58, 60–62]. Так, например, М. Л. Гаспаров резюмировал: «Строки стиха имеют тенденцию совпадать с синтагмами прозы, но совпадение это не стопроцентное и всегда оставляет возможность для резких

несовпадений — анжамбманов» [Гаспаров 1993: 14]. Эту зависимость Гаспаров констатировал не раз, в том числе цитируя Ярхо и демонстрируя свое знакомство с его неопубликованным и незавершенным исследованием по русскому стихотворному синтаксису [см.: Гаспаров 1981: 165; 1984: 177–179].

В конце 1920-х годов Ярхо с учениками и сотрудниками на Высших государственных литературных курсах и в Государственной академии художественных наук (ГАХН) предпринял еще одно исследование, часть которого была посвящена синтаксису. Материалом были русские, немецкие и испанские частушки. Программа исследования была объявлена в ГАХН в докладах 2 апреля и 28 мая 1928 г. [см.: Отчет ГАХН: 34]; некоторые результаты были сообщены в подсекции теоретической поэтики Литературной секции ГАХН: 12 апреля 1929 г. в докладе А. Г. Руднева «О синтаксических связях в частушках» [см.: РГАЛИ, ф. 941, оп. 6, ед. хр. 72, л. 25–27] и 20 декабря 1929 г. в докладе самого Ярхо «Фигуры повторения и синтаксис в немецких частушках» [см.: РГАЛИ, ф. 941, оп. 6, ед. хр. 92, л. 17–18]. Соответствующую статью ученый смог опубликовать только по-немецки, в 1935 г., в чешском журнале «Germanoslavica» [см.: Jarho 1935]. Русский вариант статьи тоже сохранился [см.: РГАЛИ, ф. 2186, оп. 1, ед. хр. 18] и был опубликован Гаспаровым в сборнике «Теория стиха» [см.: Ярхо 1984].

Как и в других рассмотренных исследованиях, Ярхо интересовали в частушках синтаксические связи на границах строк. В частности, ученый хотел понять, насколько изолирована половинка частушки на рифмы АА в четырехстрочии, рифмованном ААББ, и существуют ли какие-либо структурные отличия между двухстрочной половиной частушки (АА) и целой двухстрочной частушкой АА. Прежде всего, он изучал, насколько тесно связываются между собой половинки частушек (в двухстрочной частушке А—А; в четырехстрочной АВ—СВ и АА—ВВ), а затем и четверти частушек (А—В и С—В в частушке со схемой рифм АВСВ и А—А и В—В в частушке со схемой рифм ААВВ). Поскольку между половинками связь ожидается чаще всего слабая, то есть середина частушки часто завершает собой простое предложение, ученый разработал подробную классификацию слабых связей. В частушках констатировать одну только слабую связь посередине текста было недостаточно; область отличительных признаков залегала глубже, потому Ярхо и проделал более подробный анализ синтаксической связанности двух почти независимых половинок. В результате он нашел новые синтаксические признаки, подходящие для адекватного описания материала, а теория стиха обогатилась новыми категориями для синтаксического анализа. Множество выделенных видов он для простоты свел к пяти основным, которые обозначил условно: А.Б; А:Б; А,Б; АБ; (АБ).

1. «А. Б. Половины или четверти частушек составляют независимые друг от друга предложения, логически и синтаксически не связанные».

*В лес по ягоды ходила,
На крутой горе брала. (А)
Дружка отдали в солдаты,
И осталась я одна. (Б)*

Здесь был первоначально подтип А—Б, для параллельных конструкций типа «*Катись, яблочко, под баню. (А) // Отдай, матушка, за Ваню*» (Б)

II. «А:Б. Каждая половина (или четвертушка) составляет целое предложение; они не соединены союзом, но одно зависит от другого».

Здесь выделяются 4 группы:

а) связь при помощи местоимения:

Хороша я, хороша,

Да плохо одета. (А)

Никто замуж не берет

Собственно за это. (Б)

б) «одно предложение является эллиптическим, и в нем подразумевается слово, содержащееся в другом предложении»:

Мой муж, лиходея,

Уехал на речку. (А)

Дай бог, чтоб сдох;

Я поставлю свечку. (Б) (Подразумевается: «муж»)

в) «второе предложение поясняет первое, так что они могли бы быть по смыслу соединены союзами» (*ибо, а именно, но* и т. п.):

Проводила, жалко стало: (А)

[так что я] *Стою плачу у вокзала. (Б)*

г) «переходы на прямую речь (или смены говорящего). Здесь половинки (или четвертушки) связаны как обращение и ответ или как вводное предложение с прямой речью».

— «*Почему девки курносы?*» (А)

— «*Они курят папирсы*» (Б)

III. «А,Б. Половины или четвертушки составляют два предложения, соединенные союзом или относительным местоимением»:

Я сошью турнюр по моде, (А)

Что не спрячешь и в комод. (Б)

IV. «АБ. Половинки составляют одно предложение, но, если их разделить, то одна из них будет содержать осмысленное суждение». Это происходит, например, когда во второй половине необязательный распространитель: обстоятельство, дополнительное сказуемое или подлежащее, или когда в первой части обращение.

Мил уехал в городочек (А)

На весь кругленький годочек. (Б)

V. «(АБ). Обе половинки так тесно связаны, что при разобщении ни одна не дает полного суждения: отделено подлежащее от единственного сказуемого или прямое дополнение от глагола»:

Твои очи, мои брови (А)

Довели нас до любви (Б) [см.: Ярхо 1984: 157–160].

Итак, Ярхо выделил здесь категории по чисто синтаксическому признаку, примеряясь к своим собственным целям и исходя из особенностей изучаемого

материала. Каждому виду связи он присуждает условный коэффициент, обозначающий силу связи. Так, он решил, что связь А.Б — самая слабая (коэффициент 0); далее следуют более сильные в такой последовательности: А:Б (1); А,Б (2); АБ (3); (АБ) (4). Подсчитывая количество разных связей между половинками или четвертинками частушек, Ярхо умножал полученные цифры на условные коэффициенты каждого вида связи, произведения складывал и общую сумму делил на количество обследованных случаев. Это позволило ему вывести средний коэффициент синтаксической связанности между строками, при помощи которого было удобно изучать корреляции между формами в частушке. Оказалось, что действует «компенсационный закон»: «при уменьшении рифмовой связи увеличивается связь фигурационная (фонетические фигуры <повторения>) и синтаксическая» [Ярхо 1984: 167; 2006: 85–87]. Кроме того, Ярхо открыл, что степень синтаксической связанности между частями частушек различна в зависимости от тематики: в любовных она в целом слабее, в политических — сильнее [см.: Ярхо 1984: 167].

Несмотря на десятки лет, которые разделяют научное творчество Ярхо и Гаспарова, можно утверждать, что работы Гаспарова по стихотворному синтаксису опираются непосредственно на достижения Ярхо. В стремлении более точно измерить и описать лингвистические параметры стиховой формы Гаспаров обратился к наследию Ярхо, первопроходца и авторитета. В отличие от Гаспарова, Ярхо не верил в существование особого стихотворного языка, не соглашался считать графическое разделение на строки безусловным знаком стиха как структуры [см.: Акимова 2001/2002: 208–210, 215–216]. Его собственные исследования лишь ретроспективно можно отнести к стиховой грамматике, а результаты их он не интерпретировал в том смысле, что обнаружил такие лингвистические особенности, которые свойственны только ритмизованным текстам. Тем не менее Ярхо нашел способ свести в одном статистическом исследовании одновременно и стиховые, и языковые параметры, а это открывало новые возможности. Их увидел Гаспаров, исходящий из предпосылки, которой не было у Ярхо: из осознания строки как обязательного элемента стиха, а также из гипотезы о поэтическом языке с его особой грамматикой и словарем³.

В статье «Ритм и синтаксис: происхождение «лесенки» Маяковского» [см.: Гаспаров 1981] Гаспаров поставил перед собой задачу, в чем-то схожую с той, что стояла перед Ярхо в монографии о Хротсвите. Ярхо хотел «выяснить основные принципы клаузул и на основании этих принципов <sic!> построить звуковую схему и критиковать сомнительные мѣста» [РГАЛИ, ф. 2186, оп. 1, ед. хр. 26, л. 7а], то есть он хотел понять, существует ли какая-нибудь закономерность в разбиении текста драм на рифмованные отрезки. Гаспарова интересовало, существует ли какая-нибудь закономерность в разбиении строчек Маяковского лесенкой на отдельные слова. И в отношении средневековых пьес, и в отношении стиха Маяковского

³ Исследования стихотворного синтаксиса Гаспарова исходили, в частности, из тыняновской идеи о «тесноте стихового ряда», которой хотелось дать эмпирическое объяснение с лингвистической точки зрения (см.: Гаспаров 1981: 166; Скулачева 1989: 156).

речь шла о графике, только в случае с поэтом XX века графика («лесенка») уже была дана, а в случае с драматургом X века ее вовсе не было. Она создавалась специально для новейших печатных изданий, чтобы облегчить читателю восприятие звуковых особенностей текста.

Как и Ярхо, Гаспаров решил проверить, учитывает ли «лесенка» Маяковского тесноту синтаксической связи между словами. На первых страницах своей статьи ученый признавался, что «главной трудностью <...> является <...> установление иерархии сравнительной тесноты синтаксических связей» [Гаспаров 1981: 150], то есть как узнать, какая связь сильнее: скажем, между подлежащим и сказуемым или между сказуемым и зависимым от него обстоятельством. Самый принцип составления иерархического перечня видов связей и его основные пункты Гаспаров взял для своего исследования у Ярхо. Позднее он так описывал этот путь: «Традиционная теория стиха определяла «более сильные» и «менее сильные» синтаксические паузы интуитивно <...> Наметить более детальную иерархию силы синтаксических связей и разрывающих их пауз стало возможным только благодаря применению количественных методов к изучению стихотворного синтаксиса. Б.И. Ярхо подсчитал, что стихораздел в русской поэзии XIX в. чаще всего разрывает синтаксическую связь между предложениями, затем — между группой подлежащего и группой сказуемого, затем — между глаголом и дополнением, затем — между определяемым и определением⁴; стало быть, можно считать, что теснота синтаксических связей нарастает именно в такой последовательности» [Гаспаров 1993: 23; ср.: 1981: 150–151]. Здесь Гаспаров давал ссылку на свою первую обзорную статью о Ярхо в IV-й «Семиотике», где он пересказывал результаты неопубликованной работы ученого конца 1920-х годов о синтаксической границе стиха, а также соответствующее авторезюме в «Методологии точного литературоведения» [см.: Гаспаров 1981: 151; 1993: 23; 1969: 506–507; об этих работах Ярхо см. выше]. Гаспаров, таким образом, подчеркивал, что результаты Ярхо, добытые ради выяснения более или менее характерных синтаксических окончаний стихотворных строк, отражают вместе с тем и общеязыковую закономерность. Ярхо придерживался такого же мнения [см.: Ярхо 2006: 34–35].

На фоне этой общеязыковой градации связей Гаспаров наблюдал за поведением чисто стиховых параметров. Он пользовался шестью типами связей, расположив их в порядке усиления:

- А) между предложениями;
- Б) между группами подлежащего и сказуемого;
- В) между глаголом и обстоятельством;
- Г) между глаголом и дополнением;
- Д) между определяемым и определением;
- Е) в приложениях, фразеологических единствах и пр. [см.: Гаспаров 1981: 151].

⁴ В статье о Маяковском Гаспаров приводил также «выводимые» из цифр Ярхо «средние показатели» частоты разрывов синтагм на границах слов (см.: Гаспаров 1981: 151).

Таков был общий список всех связей, но, помимо этого, внутри строки связи еще различались и соотносились по трем степеням силы: слабая, средняя и сильная (1, 2, 3; такими условными индексами тесноты связи пользовался и Ярхо в исследовании о частушках). При разметке конкретной строки Маяковского принимались во внимание как общая градация связей, так и степени силы связи, которые образуются в этой строке **по отношению друг к другу**. В результате, например, связь между подлежащим и сказуемым в одной строке может квалифицироваться как средняя (индекс 2), а в другой — как слабая (индекс 1), ср.: *Европа (2) скрылась, (1) мельчась; И Том (1) возвратится (2) в дом*. Можно допустить, что Гаспаров определял более или менее тесные внутрискорочные связи интуитивно, подобно тому, как и общую «иерархию силы связей» он «ощущал интуитивно», как носитель языка [Гаспаров 1981: 152]. Изначальную классификацию, состоящую из шести типов, он распространил, выделив внутри каждого типа новые виды и перечислив их по убыванию силы связи следующим образом:

А. Между предложениями и др.:

- 1) между самостоятельными предложениями;
- 2) между двумя предложениями внутри сложносочиненного или сложноподчиненного;

3) при причастном и деепричастном обороте;

4) при сравнительном обороте;

5) при обособленном определении и обращении;

6) вводные слова теснее примыкают к предыдущему, чем к последующему.

Б. Между группами подлежащего и сказуемого:

1) при именном сказуемом;

2) при глагольном сказуемом;

3) внутри составного сказуемого.

В. Между глаголом и обстоятельством:

1) при обстоятельстве причины и цели;

2) места времени;

3) образа действия.

Г. Между глаголом и дополнением:

1) при глагольных дополнениях;

2) при именных предложных дополнениях;

3) при именных беспредложных косвенных дополнениях;

4) при именных беспредложных прямых дополнениях.

Д. Между определяемым и определением:

1) с несогласованным определением;

2) с согласованным определением;

3) с определением-числительным.

Е. В приложениях, фразеологических единствах и пр.

Внутри этой рубрики связи тоже различались по силе, о чем можно судить только по примерам [см.: Гаспаров 1981: 151–152].

Таким образом, сложился список из 20 видов связи, который дал возможность Гаспарову более точно описать синтаксическую структуру стиха Маяковского и ее связь с графикой. Ученый выяснил, во-первых, что в трехсловных и четырехсловных строках более тесные связи сосредоточены на концах стихов, а в четырехсловных в середине (между вторым и третьим словом) преобладают более слабые связи [Гаспаров 1981: 165]. Во-вторых, оказалось, что «ритмическое членение стиха Маяковского («лесенка») полностью подчинено синтаксическому членению стиха (распределению и силе межсловесных связей)» [Гаспаров 1981: 160]. Это значит, что «ступеньки лестницы» чаще всего отделяют друг от друга наиболее слабые связи, реже — средние и крайне редко сильные связи [Там же: 155, 159]. Сравнительный подсчет распределения более и менее тесных связей внутри строки у Ломоносова, Пушкина и Некрасова позволил сделать вывод о том, что графика Маяковского подчеркивает не индивидуальное, а общее в строении стиха, то есть классический русский стих обнаруживает примерно ту же синтаксическую структуру строки, что и стих Маяковского [см.: Там же: 165, а также Скулачева 1989: 156].

Если Ярхо больше изучал связи на границах строк, то Гаспаров, как видим, перешел к изучению связей внутри строки [ср.: Гаспаров 1993: 23]. Вскоре после работы о «лесенке» Маяковского он опубликовал две статьи о ритмико-синтаксических формулах и клише [см.: Гаспаров 1984, 1986], где использовал несколько иные перечни типов межсловесных синтаксических связей. Двухсловесные сочетания в трехстопном хоре разделялись, прежде всего, на глагольные и безглагольные, как еще в 1920-е годы делал О. М. Брик в первых опытах классификации ритмико-синтаксических единств [см.: РГАЛИ, ф. 2852, оп. 1, ед. хр. 6, л. 1, 34–182; ед. хр. 14, л. 1 слл.; Поэтика: 45; см. также: Дозорец 1993: 44]. Глагольные сочетания образуют: 1) подлежащее и сказуемое, в том числе безличное, 2) глагол и дополнение-существительное, 3) какое-нибудь слово с дополнением-глаголом, 4) глагол и обстоятельство, 5) прочие (однородные члены, глагол со служебным словом и слова, не связанные синтаксически). Безглагольные сочетания образуют: 1) определение (в виде прилагательного или существительного) и определяемое, 2) прочие (однородные члены, безглагольные сказуемые и слова, синтаксически не связанные) [см.: Гаспаров 1984: 177]. Ученый анализировал, как и почему влияют на образование стереотипных сочетаний словораздельные вариации и ритмические формы. Гаспаров обнаружил, что «клише порождаются ритмическим словарем языка — тем, какие части речи естественнее укладываются в словосочетания, отвечающие ритму стиха» [1984: 183]. Из выводов, в частности, следовало, что наличие той или иной связи на определенной позиции в строке зависит от того, какая часть речи с большей вероятностью окажется на этой или соседней позиции.

В следующей работе [см.: Гаспаров 1986] виды связей использовались так же, как и в предыдущей, скорее для изучения формульности стиха, нежели для установления синтаксической структуры строки. Для удобства группировки типичных конструкций строк, заканчивающихся на наиболее частотные у Пушкина и Лермонтова прилагательные (*молодой, золотой, гробовой, дорогой, холостой* и т. п.),

были выделены связи, которые образуются между остальными словами тех же строк. Поскольку отбирались строки с конечным прилагательным, было ясно, что одна из связей оказывалась определительной. Если в строке два слова, то определительная связь — единственная (1); если в строке три слова, то вторая связь могла быть:

- 2) между подлежащим и сказуемым;
- 3) между глаголом и прямым дополнением;
- 4) между глаголом и косвенным дополнением;
- 5) между глаголом и обстоятельством;
- 6) между согласованным определением и определяемым;
- 7) между несогласованным определением и определяемым;
- 8) между прилагательным и поясняющим словом (*За рифмой, часто холостой*);
- 9) сочинительной, между существительными.

Второй связи может и не быть, когда (10) «третье слово — на отлете», например: *Кто сей? Кромешник удалой* [см.: Гаспаров 1986: 188–190]. Таким образом, были названы десять типов словосочетаний, которые вместе с завершающим строку атрибутом потенциально могут образовать устойчивые ритмико-лексико-синтаксические конструкции. Заметно, что в работах Гаспарова постоянно меняется объем и содержание списка словосочетаний, что связано, очевидно, с тем материалом, который предстояло анализировать, а также с задачами исследований. В статьях о поэтической формульности слишком дробная классификация помешала бы обнаружить повторяющиеся сочетания. Кроме того, эти работы генетически продолжают не только исследования Ярхо, но и работу Брика над ритмико-синтаксическими конструкциями, поэтому подхватывают и развивают его классификации [см. неоднократные ссылки и сочувственное цитирование Брика: Гаспаров 1986: 192, 195–196; 1996: 135]⁵. Гаспарову удалось подтвердить цифрами ощущение, что поэт «мыслит готовыми словосочетаниями» [Гаспаров 1986: 196]. Более того: ученый показал, что возможность использовать то или иное сочетание ограничено целым рядом факторов, и в том числе степенью синтаксической тесноты словосочетания и его местом в ритмическом ряду (строке).

Это положение развивается и подтверждается в позднейших работах Гаспарова о синтаксической структуре двухсловных строк в классических метрах и трехсловных строк в стихе былин [см.: Гаспаров, Скулачева 2004: 119–145]. Состав и объем списка с видами синтагм немного изменяется. В работе по синтаксису двухсловных строк анализировались связи (по убыванию силы):

- 1) внутри предиката и пр.;
- 2) определительные;

---

⁵ Названия двух статей Гаспарова: «Ритм и синтаксис: происхождение «лесенки» Маяковского» и «Ритм и синтаксис в свободном стихе» (совм. с Т. В. Скулачевой) — отсылают к первопроеходческой работе Брика (см.: Брик 1927). О развитии идей Брика у Гаспарова см. также: Вольский 2012: 64–65; Акимова 2015.

- 3) дополнительные (с прямым и косвенным дополнением);
- 4) обстоятельственные;
- 5) при однородных членах;
- 6) предикативные;
- 7) при сравнительных, причастных и прочих оборотах [см.: Гаспаров, Скулачева 2004: 120].

Количество разного рода словосочетаний подсчитывалось дифференцированно: в стихе и прозе, в стихах различной каталектики, разных метров, разных словораздельных вариаций. Исследование обнаружило, что стихотворный синтаксис не только отличается от прозаического — строение строки различно в зависимости от стиля, ритма, рифмы и жанра (лирики или эпоса).

Почти те же степени связи различаются и в статье о синтаксисе былинной строки. По сравнению с исследованием о двусловиях, добавлены сочетания внутри подлежащего (типа *Чурила Пленкович*) и удалены связи «внутри предиката»; введена также наиболее слабая связь или полное ее отсутствие, как в строке *как во стольники ко мне во чаиники* [см.: Гаспаров, Скулачева 2004: 136–137]. В этой статье, опираясь на опыт исследования о ритмическом словаре разных частей речи, как и в работе о синтаксисе двусловий, Гаспаров демонстрирует, как синтаксическое наполнение строки может быть предопределено позицией, которую занимает в строке та или иная часть речи. Важен также вывод о том, что фольклорный стих обнаруживает те же синтаксические закономерности, что и стих литературный: нарастание тесных связей к концу строки. Эту асимметрию ученый склонен объяснять «господствующим порядком слов русского языка» [Гаспаров, Скулачева 2004: 145].

Традицию изучения внутрискладовых синтаксических связей в стихе продолжает Т. В. Скулачева. В своей диссертации и смежных работах, специально посвященных взаимодействию ритма и синтаксиса в английской поэзии, она называет в качестве предшественников Ярхо и Гаспарова и предлагает несколько иную классификацию видов связи, заимствованную у А. И. Смирницкого [см.: Скулачева 1989: 156–157; 1990: 5; ср.: Смирницкий 1957: 173–184] ⁶.

Тесные синтаксические связи:

- 1) атрибутивная;
- 2) комплетивная прямого дополнения;
- 3) комплетивная косвенного дополнения;
- 4) комплетивная обстоятельства;
- 5) предикативная ⁷;

---

⁶ Ср. иную классификацию М. Г. Тарлинской, с выделением четырех основных типов и с той же самой ссылкой на А. И. Смирницкого, за которым автор тем не менее не идет: Tarlinskaja 1984: 8, 25 примеч. 32.

⁷ Как видно, уже здесь, в одной из первых работ Т. В. Скулачевой по синтаксису, связь между подлежащим и сказуемым не названа ни тесной, ни слабой. Впоследствии в работах

Слабые синтаксические связи:

- 6) копулятивная (между однородными членами);
- 7) вводящая обособленные обороты;
- 8) между частями сложноподчиненного предложения;
- 9) между частями сложносочиненного предложения;
- 10) граница между независимыми предложениями [см.: Скулачева 1990: 5].

Эта классификация, с небольшими модификациями, использовалась и в других работах [см.: Скулачева 1989: 157; 1996: 19]. Подсчитывая частотность степеней связи в строках английского четырех- и пятистопного ямба, русского полноударного четырехстопного ямба, Т. В. Скулачева обнаружила те же общие закономерности синтаксического строения строки, которые на ином материале уже были открыты Гаспаровым: теснота связей нарастает к концу строки; в центре располагаются преимущественно слабые связи; между первым и вторым словом теснота синтагмы повышается, но она, как правило, меньше, чем перед последним словом в строке. В полноударном четырехстопном ямбе Свифта преобладают строки с такой последовательностью относительной силы связи: средние, слабые, тесные [см.: Скулачева 1989: 158–160]. Если учесть, что между строками преобладают слабые связи, то «создается противопоставление между тесной связанностью слов в начале и особенно в конце строки и слабой связанностью между строками. По-видимому, — делает вывод Т. В. Скулачева, — распределение тесных и слабых синтаксических связей играет существенную роль в механизме обеспечения единства и целостности строки» [Скулачева 1989: 159]. Таким образом, тыняновское понятие «тесноты стихового ряда» было еще раз вслед за Гаспаровым интерпретировано в синтаксическом ключе и при помощи статистики.

Очень интересно и в традиции статистического анализа Гаспарова Т. В. Скулачева отвечает на вопрос, от чего зависит распределение связей в строках с пропуском одного ударения: от самой тенденции располагать сильную связь в конце или от большей или меньшей способности словосочетаний к образованию ритмических структур с пропуском ударения [см.: Скулачева 1989: 160].

Та же иерархия из 10 видов синтагм служит инструментом для анализа синтаксиса свободного стиха М. Кузмина [см.: Гаспаров, Скулачева 1993; 2004: 170–201]. Верлибр, лишенный традиционных примет стиха, содержит самые интимные его свойства. Если в нем обнаруживаются те же синтаксические предпочтения, какие были выявлены в иных системах стихосложения, можно говорить об общих тенденциях поэтического синтаксиса. Если же эти предпочтения в равной степени отличают от прозы как классический, так и свободный стих, можно говорить

Т. В. Скулачевой и Гаспарова, выполненных совместно и по отдельности, предикативная связь считалась средней. В последнее время она была вновь переосмыслена как «особая», — из-за ее вольного местоположения в строке. «Особой» ныне считается и связь между однородными членами (см.: Гаспаров, Скулачева 2004: 182 примеч. 1).

о специфических чертах стихотворного синтаксиса в его отличии от прозы. Анализ верлибра Кузмина, по всей видимости, позволяет сформулировать некоторые особенности синтаксиса стиха вообще: это стремление к совпадению границ строк с границами синтагмы и преобладание тесных связей в конце строк. В то же время синтаксис «Александрийских песен» наводит на мысль, что каждая система стихосложения (и каждый поэт индивидуально) вырабатывает свои лингвистические способы поддержания единства и целостности строки. Так, Кузмин старается не допускать слишком слабых связей посередине строки — без поддержки регулярного метра она разорвется на части. Кроме того, ему приходилось по-разному заботиться об изоляции строк разной длины: более ощутимые разрывы могли появляться немногим чаще после коротких строк, их совсем нет после длинных (пяти- — восьмисловных). И наоборот: «слабые связи повышены после длинных строк» [Гаспаров, Скулачева 1993: 33].

Как прямое развитие установленной Ярхо в 1920-е годы иерархии сравнительной тесноты синтаксических связей Гаспаров рассматривал свою наиболее разработанную классификацию связей по тесноте-слабости, которую он ввел в работе о синтаксисе пушкинского шестистопного ямба [см.: 1995: 94–95]. Здесь рубрикация была первоначально проведена на логических основаниях, а не явилась исключительно следствием наблюдений над материалом. Гаспаров сгруппировал 20 межсловесных связей как внутри полустушищ, так и внутри целой строки шестистопного ямба в пять рубрик и расположил их по убыванию тесноты связи:

- А) между частями составного подлежащего или дополнения;
между частями составного сказуемого;
между количественным числительным и существительным;
между определяемым и согласованным определением;
между определяемым и несогласованным определением;
- Б) между глаголом и глагольным дополнением;
между глаголом и прямым именным дополнением;
между глаголом и косвенным дополнением;
между глаголом и обстоятельством;
- В) между подлежащим и глагольным сказуемым;
между подлежащим и неглагольным сказуемым;
- Г) между однородными членами;
- Д) между обращением и предложением;
между вводными словами и предложением;
между сравнительным оборотом и членом предложения;
между причастным и деепричастным оборотом и предложением;
между подчиненным предложением и главным;
между сочиненными предложениями;
между самостоятельными предложениями;
между репликами или главами [см.: Гаспаров 1995: 94–95].

Если сравнить этот иерархический список со списком из статьи о «лесенке», также состоявшим из 20 пунктов, можно заметить, что представления автора о степенях силы связей претерпели некоторую эволюцию. Связи при обращениях теперь считаются более тесными, чем при вводных словах; добавились связи между репликами, однородными членами предложения; менее подробно представлены связи между подлежащим и сказуемым и при дополнениях; виды обстоятельств перестали различаться; связи внутри составного сказуемого переместились к наиболее тесным, куда добавились также связи внутри составного подлежащего и дополнения.

С точки зрения продолжения традиции Ярхо в исследованиях стихового синтаксиса, работа Гаспарова о пушкинском шестистопном ямбе интересна анализом связей между словами из разных полустиший. «Когда полустишия сочетаются в стих, — объясняет Гаспаров, — то между их словами перекидываются новые синтаксические связи. Они могут соединять начальные слова полустишия (НН), конечные слова (КК), начальное с конечным (НК), конечное с начальным (КН), реже — серединные слова. Примеры:

- а) НН: *Народа своего / отец чадолюбивый* (связь А);
- б) НК: *За брата своего / наместника молила* (связь Б);
- в) КН: *А сам, докучного / вниманья избегая* (связь А);
- г) КК: *Младых любовников / свидетели застали* (связь Б);
- д) СН: *Да, так...: и страсти в нем / кипят с такою силой* [связь В; см.: Гаспаров 1995: 96].

Выделение типов словосочетаний, образованных словами по разные стороны цезуры, а также графическое оформление примеров напоминает произведенную Ярхо классификацию синтагм, разорванных «интонационной паузой» в драмах Хротсвиты. Интонационными Ярхо называл слабые паузы, возникающие в латинской средневековой прозе лишь благодаря рифме, которая «разрыва<e>тъ сужденіе пополамъ» [РГАЛИ, ф. 2186, оп. 1, ед. хр. 26, л. 10]. Но одной только рифмы здесь бывает недостаточно. Пауза образуется при инверсии и дистантном расположении рифмующих, синтаксически связанных членов сочетания. Например, при нормальном порядке слов два рядом стоящих синтаксически связанных слова, хоть бы они и рифмовали, не образуют паузы: *lasciuae puellae* (= бесстыдные девы). Но если они разлучены, возникает интонационная пауза: *mando, ut lasciuae* — — *praesententur puellae* (= Приказываю, чтобы бесстыдные — — явились девы; «Дульциций») [см.: РГАЛИ, ф. 2186, оп. 1, ед. хр. 26, л. 10]. Далее Ярхо рассуждал: «<...> промежуточные слова могут относиться къ первому или ко второму разлученному слову или одни къ первому, другіе <sic!> ко второму» [Там же, л. 17]. Он обозначил «первое разлученное слово черезъ “А”, относящіяся къ нему слова — черезъ “а”, второе — черезъ “А”, а относящіяся къ нему слова — черезъ “а”» и получил всего пять «группировок», пять способов разрыва синтагмы:

- 1) A — α'A': ... **ineundi** (A) — — praemium (α') **periculi** (A')<>
[= предстоящей — — цена опасности]
A — α'A'α': ... **ipse** (A) — — diuina (α') **perculusus est** (A') ultione (α').
[= он сам — — божьей сражен карой]
- 2) Aα — α'A': **Vade** (A) in pace (α) — citiusque ad me (α') **reuertere** (A').
[= Иди с миром — и быстро ко мне возвращайся]
Aα — α'A'α': ...**intentio** (A) seruitutis (α) — — summam (α') **expetit** (A')
recompensationem mercedis (α').
[= намерение служить — предполагает соответствующее вознаграждение]
- 3) Aα — A'α': **Resist<a>mus** (A) fortiter (α) — et **congregiamur** (A') uiriliter (α').
[= будем сопротивляться храбро — и сразимся, как подобает мужчинам]
Consequentia (A) autem rerum (α) — — **monstrabit** (A') eius assensum (α') .
[= Ход событий — — покажет, что она согласна]
- *4) Aα — A' — не встрѣчается [РГАЛИ, ф. 2186, оп. 1, ед. хр. 26, л. 17].

На основании этого анализа Ярхо вывел «закон»: «при нормальных условиях рима, а, стало быть, и интонационная пауза падает не на конец разлученного слова, а на конец словесной группы. Логическое ударение лежит на последнем словѣ группы» [Там же]. Таким образом, синтаксические наблюдения необходимы были Ярхо для того, чтобы правильно выделить рифмы и вместе с ними определить границы ритмических отрезков. Однако вышло так, что Ярхо попутно обнаружил синтаксические закономерности, которые организуют, до определенной степени, порядок слов внутри разделенных рифмой словосочетаний. В отличие от Ярхо, Гаспаров сделал анализ синтаксической структуры строки и полустишия своей прямой задачей, но способ обращения с материалом, логика анализа у него те же, что у Ярхо.

Итак, статистическое изучение стихотворного синтаксиса, начатое Ярхо, развивалось и претерпело значительную эволюцию в трудах Гаспарова. Синтаксис стиха стал важным разделом стиховой грамматики. Найденные закономерности в синтаксическом строении строки открывают путь к изучению стиховой семантики точными методами — возможность, о которой, пожалуй, не предполагал Ярхо. Когда стих на одном и том же месте и в одной и той же ритмической вариации накапливает словосочетания определенного типа, возникают ритмико-синтаксические формулы и клише, что в свою очередь ведет к тиражированию тем и мотивов. И здесь работа Гаспарова словно на новом историческом витке подхватывает и развивает серьезные наблюдения Брика над клишированностью русской классической поэзии. Продолжение идей Брика у Гаспарова, опиравшегося на Ярхо, может попутно свидетельствовать о логическом родстве и дополнительности представлений о взаимосвязи ритма и синтаксиса у Брика и Ярхо, хотя прямых перекличек между этими учеными-современниками пока обнаружить не удалось.

Литература

Акимова М. В. Б. И. Ярхо в полемике с тыняновской концепцией стихотворного языка // *Philologica*. 2001/2002. vol. 7. № 17/18. С. 207–226.

Акимова М. В. Традиции изучения русского стихотворного синтаксиса: О. М. Брик и М. Л. Гаспаров // *Антропология культуры*. М.: Новое издательство, 2015. Вып. 5. К 85-летию академика РАН Вячеслава Всеволодовича Иванова. С. 351–366.

Белоусова А. Метр и синтаксис в русской октаве (Пушкин, Лермонтов, Тургенев, Фет) // *Studia Slavica*. Сборник научных трудов молодых филологов / отв. редакторы А. Кюналь, Г. Утгоф, И. Адамсон. Таллинн: Таллиннский университет. 2011. [Т.] X. С. 54–71.

Белоусова А. С.: Генезис и эволюция русской октавы: автореферат диссертации канд. филол. н. / РГГУ. Москва. 2013.

Брик О. М. Ритм и синтаксис // *Новый Лэф*. 1927. № 3. С. 15–20; № 4. С. 23–29; № 5. С. 32–37; № 6. С. 33–39.

Вольский Н. О. Об одной идее О. М. Брика // *Toronto Slavic Quartely*. 2012. 41. P. 58–73. URL: http://www.utoronto.ca/tsq/41/tsq41_volskii.pdf

Гаспаров М. Л. Работы Б. И. Ярхо по теории литературы // *Ученые записки Тартуского государственного университета*. Тарту. 1969. Вып. 236. С. 504–514.

Гаспаров М. Л. Ритм и синтаксис: происхождение «лесенки» Маяковского // *Проблемы структурной лингвистики*. 1979. Москва: Наука, 1981. С. 148–168.

Гаспаров М. Л. Ритмический словарь и ритмико-синтаксические клише // *Проблемы структурной лингвистики*. 1982, Москва: Наука, 1984. С. 169–185.

Гаспаров М. Л. Неизданные работы Б. И. Ярхо по средневековой латинской литературе // *Западноевропейская средневековая словесность*. Москва: МГУ, 1985. С. 16–18.

Гаспаров М. Л. Ритмико-синтаксическая формульность в русском 4-стопном ямбе // *Проблемы структурной лингвистики*. 1983. Москва: Наука. С. 181–199.

Гаспаров М. Л. Введение [к главе «Стих и грамматика»] // *Очерки истории языка русской поэзии XX века: Грамматические категории. Синтаксис текста*. Москва: Наука, 1993. С. 14–20.

Гаспаров М. Л. Синтаксис пушкинского шестистопного ямба // *The Language and Verse of Russia / Язык и стих в России: Сборник в честь Д. Ворга*. Москва: «Восточная литература» РАН, 1995. С. 119–128. [То же: М. Л. Гаспаров. Избранные статьи. Москва: НЛЮ, 1995. С. 93–101.]

Гаспаров М. Л. Порядок слов «определение — определяемое» в стихах и прозе // *Московский лингвистический журнал*. 1996. Т. 2. С. 130–135.

Гаспаров М. Л. Синтаксическая структура стихотворной строки // *Славянский стих: Лингвистическая и прикладная поэтика. Материалы международной конференции 23–27 июня 1998 г.* Москва: Языки славянской культуры, 2001. С. 130–137.

Гаспаров М. Л. «Рифмованная проза драм Хротсвиты» — неизданное исследование Б. И. Ярхо // *Arbog mundi / Мировое древо*. 2003. Вып. 10. С. 165–186.

Гаспаров М. Л. Ритмико-синтаксические клише и формулы в эпилоге «Руслана и Людмилы» // Славянский стих / Под редакцией М. Л. Гаспарова и Т. В. Скулачевой. Москва: Языки славянской культуры, 2004. [Т.] VII: Лингвистика и структура стиха. С. 149–166.

Гаспаров М. Л., Т. В. Скулачева. Ритм и синтаксис в свободном стихе // Очерки истории языка русской поэзии XX века: Грамматические категории. Синтаксис текста. Москва: Наука, 1993. С. 20–43.

Гаспаров М. Л., Т. В. Скулачева. Статьи о лингвистике стиха. Москва: Языки славянской культуры, 2004.

Головастиков К. Ритм и синтаксис изомерных строк «Евгения Онегина» // Punctus Contra Punctum. Studia Slavica. Сборник научных трудов молодых филологов / Сост. Г. Утгоф, И. Адамсон, Таллинн: Таллиннский университет, 2010. [Т.] IX. С. 11–21.

Головастиков К. Односложные слова в русской силлабо-тонике: ритм и грамматика // Studia Slavica. Сборник научных трудов молодых филологов / Отв. редакторы А. Кюналь, Г. Утгоф, И. Адамсон. Таллинн: Таллиннский университет, 2011. [Т.] X. С. 42–53.

Дозорец Ж. А. Соотношение стихотворной строки с речевым звеном и предложением (на материале стихотворений А. С. Пушкина): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Моск. гос. пед. институт им. В. И. Ленина. Москва, 1972

Дозорец Ж. А. Синтаксическая структура строки и ее членение на синтагмы // Актуальные вопросы грамматики и лексики русского языка. Сборник трудов, Москва: МГПИ, 1978. С. 79–96.

Дозорец Ж. А. Композиция строки типа «Волшебный скипетр вдовенений» в лирике 4-стопного ямба А. Пушкина // Композиционное членение и языковые особенности художественного произведения: Русский язык. Межвузовский сборник научных трудов. Москва: МГПИ, 1987. С. 44–52.

Дозорец Ж. А. Ритмико-синтаксические формулы в русской лирике конца XIX — начала XX вв. // Очерки истории языка русской поэзии XX века: Грамматические категории. Синтаксис текста. Москва: Наука, 1993. С. 43–55.

Ляпин С. Е. К демифологизации ритмики русского четырехстопного ямба (преимущественно на материале одического стиха Державина) // *Philologica*. 1997. Т. 4. № 8–10. С. 307–322.

Ляпин С. Е. Ритмико-синтаксическая структура строфы (к проблеме изучения вертикального ритма русского 4-стопного ямба) // *Славянский стих: Лингвистическая и прикладная поэтика*. Материалы международной конференции 23–27 июня 1998 г. Москва: Языки славянской культуры, 2001. С. 138–150.

Матяш С. А. Метр, синтаксис и рифма в композиции вольного стиха // Вестник Ленинградского университета. 1984. № 8: История. Язык. Литература. Вып. 2. С. 46–52.

Матяш С. А. Вольный ямб русской поэзии XVIII—XIX вв.: Жанр, стиль, стих. С.-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, 2011.

Отчет ГАХН — Отчет о научной работе Г. А. Х. Н. I—VI 1928 г. Литературная секция // Бюллетень Г. А. Х. Н. / под редакцией А. А. Сидорова. 1928. [Вып.] 11. С. 27–42.

Пильщиков И. П. Наследие русской формальной школы и современная филология // Антропология культуры. Москва: Новое издательство. 2013. Вып. 5. С. 319–350.

Поэтика — Поэзия и проза. Рабочий материал к 5-му уроку (на правах рукописи) // Поэтика [в надзаг.: Наркомпрос <РСФСР>. Институт повышения квалификации кадров народного образования. Специальный факультет], [Москва 1931], 26–56.

Скулачева Т. В. К вопросу о взаимодействии ритма и синтаксиса в стихотворной строке (английский и русский четырехстопный ямб) // Известия Академии Наук СССР. Серия литературы и языка. 1989. Т. 48. № 2. С. 156–165.

Скулачева Т. В. Взаимодействие ритмической организации и синтаксического построения стихотворного текста: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / МГУ им. М. В. Ломоносова. Москва. 1990.

Скулачева Т. В. Лингвистика стиха: структура стихотворной строки // Славянский стих: Стихovedение, лингвистика и поэтика. Материалы международной конференции, 19–23 июня 1995 г. / Под ред. М. Л. Гаспарова, Т. В. Скулачевой. Москва: Наука, 1996. С. 18–23.

Скулачева Т. В. Ритм и грамматика в стихе // Славянский стих: Лингвистическая и прикладная поэтика. Материалы международной конференции 23–27 июня 1998 г. Москва: Языки славянской культуры, 2001. С. 121–129.

Смирницкий А. И. Синтаксис английского языка / Подготовил к печати и отредактировал В. В. Пассек. Москва: Издательство литературы на иностранных языках, 1957 (= Библиотека филолога).

Тарлинская М. Ритм и синтаксис: К вопросу о методологии анализа // Славянский стих: Лингвистическая и прикладная поэтика. Материалы международной конференции 23–27 июня 1998 г. Москва: Языки славянской культуры, 2001. С. 41–49.

Тверьянович К. Поэтика Бенедикта Лившица: Система стиха. С.-Петербург: Симпозиум, 2008.

Тверьянович К. Ю. Ритмико-синтаксические клише в русском 4-стопном ямбе начала XX века // Славянский стих. Москва: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. [Вып.] IX. С. 195–206.

Шанур М. И. Феномен Батенькова и проблема мистификации: (Лингвостиховедческий аспект. 3–5) // *Philologica*. 1998. Т. 5. № 11/13. С. 49–132.

Шанур М. И. Ритм и синтаксис ломоносовской оды: (К вопросу об исторической грамматике русского стиха) // Поэтика; История литературы; Лингвистика: Сборник к 70-летию Вячеслава Всеволодовича Иванова. Москва: ОГИ, 1999. С. 55–75.

Шанур М. И. *Universum versus*: Язык — стих — смысл в русской поэзии XVIII—XX веков. Москва: Языки русской культуры, 2000. Кн. 1 (= *Philologica russica et speculativa*; Т. I).

Шапир М. И. Три реформы русского стихотворного синтаксиса: (Ломоносов — Пушкин — Иосиф Бродский) // Вопросы языкознания. 2003. №3. С. 31–78.

Ярхо Б. И. Соотношение форм в русской частушке, [Предисловие и публикация М. Л. Гаспарова] // Проблемы теории стиха / Ответственный редактор В. Е. Холшевников. Ленинград: Наука, 1984. С. 137–167.

Ярхо Б. И. Методология точного литературоведения: Избранные труды по теории литературы / Издание подготовили М. В. Акимова, И. А. Пильщиков, М. И. Шапир / Под общей редакцией М. И. Шапира. Москва: Языки славянских культур, 2006 (= *Philologica russica et speculativa*, t. V).

Jarcho B. J. Organische Struktur des russischen Schnaderhüpfels (Častuška): (Mit Ausblicken auf das deutsche Schnaderhüpfel) // *Germanoslavica*. 1935. Jg. III. H. 1/2. S. 31–64.

Pilščíkov I. A. Il retaggio scientifico del formalismo russo e le scienze umane moderne, Introduzione di C. Cadamagnani // *Enthymema*. 2011. Vol. V.P. 70–101. URL: <http://riviste.unimi.it/index.php/enthymema>

Polheim K. Die lateinische Reimprosa. Berlin: Weidmann, 1925.

Tarlinskaja M. Rhythm — Morphology — Syntax — Rhythm // *Style*. 1984. Vol. 18. №1. P. 1–26.

Vickery W. N. On the Question of the Syntactic Structure of *Gavriliada* and *Boris Godunov* // *American Contributions to the Sixth International Congress of Slavists*. Prague, 1968, August 7–13. The Hague — Paris, 1968. vol. II: *Literary Contributions* / edited by W. E. Harkins. P. 355–367 (= *Slavistic Printings and Reprintings*, 81).

Marina V. Akimova

(Russia, Moscow)

Institute for World Culture of the M. V. Lomonosov Moscow State University

aquimova@mail.ru

**TRADITIONS OF RUSSIAN VERSE SYNTAX STUDY:
B. I. YARKHO AND M. L. GASPAROV**

This article examines the approaches to the formal study of Russian poetic syntax that Boris I. Yarkho and then Mikhail L. Gasparov had in common. First, different ways of classifying syntactic units, designed specifically for verse study, are analyzed. Almost all of Gasparov's classifications for such units are then presented, thereby allowing us to trace how the ways for distinguishing the types of weak and strong syntactic units in verse evolved—and to demonstrate that the kind of classification depended primarily on the goals of the specific study. In addition, this paper shows that the syntactical analysis of Mayakovsky's verse in a famous article by Gasparov draws directly upon the methods put forth by Yarkho in his unpublished dissertation on Hrotsvit's rhymed prose. Gasparov's analysis of the syntax of Pushkin's 6-foot iamb goes back to that same work by

Yarkho. Thus this study demonstrates that some principles for the syntactic analysis of verse were common to both scholars. The findings here indicate that Gasparov certainly saw Yarkho as his distant teacher and also open the way for further research on this topic.

Keywords: poetic language, syntax and semantics of verse, B. I. Yarkho, M. L. Gasparov, methods of formal analysis of verse syntax

References

Akimova M. V. [B. I. Yarkho polemizing with Ju. Tynyanov's concept of verse language], *Philologica*, 2001/2002, vol. 7, No. 17/18, p. 207–226. [In Russian]

Akimova M. V. [From the history of study of the Russian verse syntax: O. M. Brik and M. L. Gasparov], *Antropologiya kultury*. Moscow: Novoye izdatelstvo, 2015, vol. 5: [To the 85th anniversary of Vyach. Vs. Ivanov], p. 351–366. [In Russian]

Belousova A. [Meter and syntax in the Russian octava rima (Pushkin, Lermontov, Turgenev, Fet)], *Studia Slavica. Sbornik nauchnykh trudov molodykh filologov* [Collection of papers of young filologists]. Ed. A. Kunal, G. Utgof, I. Adamson, Tallinn: TU, 2011, [t.] X, p. 54–71. [In Russian]

Belousova A. S. *Genesis i evolutsiya russkoi oktavy*: Avtoreferat diss. kand. philol. nauk [Genesis and evolution of the Russian octava rima: thesis of the diss. dr. of philology], RGGU [Russian State University for Humanities], Moscow, 2013. [In Russian]

Brik O. M. [Rhythm and Syntax], *Novyi Lef*, 1927, №3, p. 15–20; No. 4, p. 23–29; No. 5, p. 32–37; №6, p. 33–39. [In Russian]

Vol'skii N. O. [About one idea of O. M. Brik], *Toronto Slavic Quartely*, 2012, 41, p. 58–73. URL: http://www.utoronto.ca/tsq/41/tsq41_volskii.pdf [In Russian]

Gasparov M. L. [Works of B. I. Yarkho on the theory of literature], *Uchenye zapiski Tartuskogo universiteta* [Bulletin of the Tartu University], Tartu, vol. 326, p. 504–514. [In Russian]

Gasparov M. L. [Rhythm and syntax: the genesis of Mayakovskii's "lesenka"], *Problemy strukturnoi lingvistiki* [Problems of structural linguistics]. 1979, Moscow: Nauka, 1981, p. 148–168.

Gasparov M. L. [Rhythmical vocabulary and rhythmical and syntactical clichés]. *Problemy strukturnoi lingvistiki* [Problems of structural linguistics]. 1982, Moscow: Nauka, 1984. P. 169–185.

Gasparov M. L. [Unpublished works of B. I. Yarkho on the mediaeval Latin literature], *Zapadnoevropeiskaya srednevekovaya slovesnost'* [Mediaeval literature of the Western Europe], Moscow: MGU, 1985, p. 16–18.

Gasparov M. L. [Rhythmical and syntactic formulas in the Russian 4-foot iamb], *Problemy strukturnoi lingvistiki* [Problems of structural linguistics]. 1983, Moscow: Nauka, p. 181–199.

Gasparov M. L. [Introduction <to the chapter "Verse and Grammar">], *Ocherki istorii yazyka russkoi poezii XX veka: Grammaticheskie kategorii. Sintaksis teksta* [Essays on the history of the language of Russian poetry of the XXth century: Categories of grammar. Syntax of text], Moscow: Nauka, p. 14–20.

Gasparov M. L. [Syntax of the 6-foot iamb of Pushkin], *The Language and Verse of Russia. Yazyk i stikh v Rossii*: Sbornik v chest' D. Vorta, Moscow: «Vostochnaya literatura» RAN, 1995, p. 119–128. [Idem: M. L. Gasparov, *Izbrannyye stat'yi* [Selected papers], Moscow: NLO, 1995, p. 93–101.]

Gasparov M. L. [The word order ‘attribute — attributed’ in verse and prose], *Moskovskii lingvisticheskii zhurnal*, 1996, vol. 2, p. 130–135.

Gasparov M. L. [Syntactic structure of verse line], *Slavyanskii stikh: Lingvisticheskaya i prikladnaya poetika*. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii 23–27 iyunya 1998 g. [Slavic verse: Linguistic and applied poetics. Materials of International Conference, June 23–27, 1998] Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2001, p. 130–137.

Gasparov M. L. [“Rhymed prose of Hrotsvit’s drama”, the unpublished study by B. I. Yarkho], *Arbor mundi / Mirovoe drevo*, 2003, v. 10, p. 165–186.

Gasparov M. L. Rhythmical and syntactic clichés and formulas in the epilogue of “Ruslan and Ludmila”, *Slavyanskii stikh*, [Slavic verse], Ed. M. L. Gasparov, T. V. Skulacheva, Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004, [т.] VII: Linguistika i struktura stikha [Linguistics and structure of verse], p. 149–166.

Gasparov M. L., T. V. Skulacheva [Rhythm and syntax in vers libre], *Ocherki istorii yazyka russkoi poezii XX veka: Grammaticheskie kategorii. Sintaksis teksta* [Essays on the history of the language of Russian poetry of the XXth century: Categories of grammar. Syntax of text], Moscow: Nauka, 1993, p. 20–43.

Gasparov M. L., T. V. Skulacheva, *Stat'i o lingvistike stikha* [Papers on the linguistics of verse], Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004.

Golovastikov K. [Rhythm and syntax of rhythmically identical lines of “Eugene Onegin”], *Punctus Contra Punctum. Studia Slavica*. Sbornik nauchnykh trudov molodykh filologov. Ed. G. Utgof, I. Adamson, Tallinn: TU, 2010, [т.] IX, p. 11–21.

Golovastikov K. [Monosyllable words in the Russian syllabo-tonic verse: rhythm and grammar], *Studia Slavica*. Sbornik nauchnykh trudov molodykh filologov. Ed. A. Kunal, G. Utgof, I. Adamson, Tallinn: TU, 2011, [т.] X, p. 42–53.

Dozorets Zh. A. *Sootnoshenie stikhotvornoj stroki s rechevym zvenom i predlozheniem (na materiale stikhotvorenii A. S. Pushkina* [Correlation between verse line, syntagm and sentence (Pushkin's poems): Thesis of the diss. of kandidat of philology] V. I. Lenin Moscow State Pedagogical Institute, Moscow, 1972.

Dozorets Zh. A. [Syntactic structure of verse line and its syntagmatic division], *Aktual'nye voprosy grammatiki i leksiki russkogo yazyka*. Sbornik trudov [Actual problems of grammar and lexis of Russian. Collection of papers], Moscow: MGPI, 1978, p. 79–96.

Dozorets Zh. A. [Composition of a verse line of type “Volshebnyi skipetr vdokhnovenii” in Pushkin’s 4-foot lyrics], *Kompozitsionnoe chlenenie i yazykovye osobennosti khudozhestvennogo proizvedeniya: Russkii yazyk. Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov* [Composition and linguistic features of literary work: Russian language. Collection of papers of university scholars], Moscow: MGPI, 1987, p. 44–52.

Dozorets Zh. A. [Rhythmic and syntactic formulas in Russian lyrics at the end of XIXth — beginning of the XXth century], *Ocherki istorii yazyka russkoi poezii XX veka*:

Grammaticheskie kategorii. Sintaksis teksta [Essays on the history of the language of Russian poetry of the XXth century: Categories of grammar. Syntax of text], Moscow: Nauka, 1993, p. 43–55.

Lyapin S. E. [Demythologizing rhythmic of the Russian 4-foot iamb (verse of Derzhavin's odes)], *Philologica*, 1997, vol. 4, No. 8–10, p. 307–322.

Lyapin S. E. [Rhythmic and syntactic structure of the strophe (to the problem of the study of vertical rhythm in the Russian 4-foot iamb)], *Slavyanskii stikh: Lingvisticheskaya i prikladnaya poetika*. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii 23–27 iyunya 1998 g. [Slavic verse: Linguistic and applied poetics. Materials of International Conference, June 23–27, 1998]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2001, p. 138–150.

Matyash S. A. [Meter, syntax and rhyme in the composition of irregular syllabotonic verse], *Vestnik Leningradskogo universiteta*, 1984, No. 8: Istoriya. Yazyk. Literatura, v. 2, p. 46–52.

Matyash S. A. *Vol'nyi yamb russkoi poezii XVIII–XIX vekov: Zhanr, stil', stikh* [Irregular iamb verse in the Russian poetry of XVIII–XIXth cent.: Genre, style, verse]. S.-Petersburg: Philological faculty of S.-Petersburg State University, 2011.

Otchet GAKhN — [Report of GAKhN activities. I–VI 1928 г. Section of literature] *Bulletin GAKhN*, ed. by A. A. Sidorov, 1928, [v.] 11, p. 27–42.

Pil'shchikov I. P. [Legacy of Russian formal school and contemporary philology], *Antropologiya kul'tury* [Anthropology of culture], Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2013, v. 5, pp. 319–350.

Poetika — Poeziya i proza. Rabochii material k 5-mu uroku (na pravakh rukopisi) [Poetry and prose. Work material for the 5th lesson (a manuscript)], *Poetika* [Poetics]. Narkompros <RSFSR>. Institut povysheniya kvalifikatsii kadrov narodnogo obrazovaniya. Spetsial'nyi fakul'tet, [Moscow 1931], 26–56.

Skulacheva T. V. [Revisiting the correlation of rhythm and syntax in a verse line (English and Russian 4-foot iamb)], *Izvestiya Akademii Nauk SSSR. Seriya literatury i yazyka*, 1989, Vol. 48, No. 2, p. 156–165.

Skulacheva T. V. *Vzaimodeistviie ritmicheskoi organizatsii i sintaksicheskogo postroeniya stikhotvornogo teksta: avtoreferat diss. kandidata filol. nauk* [Interaction of rhythmical organization and syntactic structure of verse text: *thesis of diss. of candidate of philological sciences*], M. V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, 1990.

Skulacheva T. V. [Linguistics of verse: structure of verse line], *Slavyanskii stikh: Stikhovedenie, lingvistika i poetika. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii, 19–23 iyunya 1995* [Slavic verse: verse study, linguistics and poetics. *Materials of the international conference, 1995, June 19–23*], Ed. by M. L. Gasparov, T. V. Skulacheva, Moscow: Nauka, 1996, p. 18–23.

Skulacheva T. V. [Rhythm and grammar in verse], *Slavyanskii stikh: Lingvisticheskaya i prikladnaya poetika*. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii 23–27 iyunya 1998 g. [Slavic verse: Linguistic and applied poetics. Materials of International Conference, June 23–27, 1998]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2001, p. 121–129.

Smirnitiskii A. I. *Sintaksis angliiskogo yazyka* [English syntax], ed. V. V. Passek, Moscow: Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh, 1957 (= Library of a philologist).

Tarlinskaya M. [Rhythm and syntax: revisiting the methodology of analysis], *Slavyanskii stikh: Lingvisticheskaya i prikladnaya poetika*. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii 23–27 iyunya 1998 g. [Slavic verse: Linguistic and applied poetics. Materials of International Conference, June 23–27, 1998], Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2001, p. 41–49.

Tver'yanovich K. *Poetika Benedikta Livshitsa: Sistema stikha* [Poetics of Benedict Livshits: The system of verse], S.-Petersburg: Simpozium, 2008.

Tver'yanovich K. Ju. [Rhythmical and syntactic clichés in Russian 4-foot iamb in the beginning of the XXth cent.], *Slavyanskii stikh*, Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi, 2012, [v.] IX, p. 195–206.

Shapir M. I. [The phenomenon of Baten'kov and problem of mystification: (Language and verse aspect. 3–5)], *Philologica*, 1998, Vol. 5, No. 11/13, p. 49–132.

Shapir M. I. [Rhythm and syntax of Lomonosov's odes: (Revisiting the history of grammar of Russian verse)], *Poetika; Istoriya literatury; Lingvistika: Sbornik k 70-letiyu Vyasheslava Vsevolodovicha Ivanova* [Poetics; History of literature; Linguistics: Collection of papers to the 70th anniversary of Vyacheslav Vs. Ivanov], Moscow: OGI, 1999, p. 55–75.

Shapir M. I. *Universum versus: Yazyk — stikh — smysl v russkoi poezii XVIII—XX vekov* [Universum versus: Language — verse — sense in the Russian poetry of XVIII—XXth cent.], Moscow: Yazyki russkoi kul'tury, 2000, Book 1 (= *Philologica russica et speculativa*; T. I).

Shapir M. I. [Three reformations of the syntax of Russian verse: Lomonosov, Pushkin, Brodskii], *Voprosy yazykoznaniya*, 2003, No.3, p. 31–78.

Yarkho B. I. [Correlation of forms in Russian chastushka], *Problemy teorii stikha*, ed. V. Ye. Kholshchevnikov, Leningrad: Nauka, 1984, p. 137–167.

Yarkho B. I. *Metodologiya tochnogo literaturovedeniya: Izbrannyye trudy po teorii literatury* [The methodology for the precise study of literature, Ed. M. V. Akimova, Pil'shchikov, M. I. Shapir; general edition by M. I. Shapir], Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2006 (= *Philologica russica et speculativa*, t. V).

Jarcho B. J. *Organische Struktur des russischen Schnaderhüpfels (Častuška): (Mit Ausblicken auf das deutsche Schnaderhüpfel)*, *Germanoslavica*, 1935, Jg. III. H. 1/2, pp. 31–64.

Pil'shchikov I. A. Il retaggio scientifico del formalismo russo e le scienze umane moderne, Introduzione di C. Cadamagnani, *Enthymema*, 2011, Vol. V, P. 70–101. URL: <http://riviste.unimi.it/index.php/enthymema>

Polheim K. *Die lateinische Reimprosa*, Berlin: Weidmann, 1925.

Tarlinskaja M. Rhythm — Morphology — Syntax — Rhythm, *Style*, 1984, Vol. 18, No.1, P. 1–26.

Vickery W. N. On the Question of the Syntactic Structure of *Gavriliada* and *Boris Godunov*, *American Contributions to the Sixth International Congress of Slavists*, Prague, 1968, August 7–13. The Hague — Paris, 1968. vol. II: Literary Contributions, edited by W. E. Harkins. P. 355–367 (= *Slavistic Printings and Reprintings*, 81).